

A romantic couple embracing in a warm, indoor setting. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing a blue denim shirt. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a white tank top. They are looking at each other with affection. The background is softly blurred, showing a window with light streaming in.

Сергей Патрушев

10 оттенков семейной жизни

Сергей Патрушев

10 оттенков семейной жизни

<https://litres.ru/73979346>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они поженились по любви, но спустя десять лет их брак превратился в выцветшую картину.

Анна, филолог, забывшая, когда в последний раз читала стихи, и Андрей, инженер, который лучше умеет управляться с чертежами, чем с собственными чувствами, застряли в сером болоте быта, ипотеки и взаимных обид. Тишина в их доме стала громче любых скандалов. Но одна отчаянная попытка спасти семью запускает целую цепь событий, в которых найдётся место всему: битвам за немытую посуду, таинственному исчезновению носков по всей квартире, виртуальным мирам, спонтанным свиданиям, турецкому солнцу, финансовому кризису, бермудскому треугольнику из тёщи и свекрови и, конечно, отчаянным попыткам вспомнить, за что они когда-то полюбили друг друга.

Это ироничная, трогательная и до боли честная история о том, что настоящая любовь начинается не с фанфар, а там, где заканчиваются розовые очки. Это книга для всех, кто хоть раз задавался вопросом, можно ли починить разбитую чашку и стоит ли оно того.

Сергей Патрушев

10 оттенков

семейной жизни

Глава первая

Солнце пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы и рисовало на паркете длинную золотую дорожку. Анна стояла у окна, прижимая к груди кружку с давно остывшим кофе, и смотрела, как во дворе соседский мальчишка самозабвенно гоняет мяч, не обращая внимания на лужи, оставшиеся после ночного дождя. В квартире было подозрительно тихо — та самая тишина, которая в семейной жизни редко бывает добрым знаком. Тишина, пропитанная недосказанностью, как воздух перед грозой пропитан электричеством. Тишина, которая звенит в ушах громче любого скандала.

Они не разговаривали уже третий день. Не так, чтобы совсем — обменивались дежурными фразами про ужин, про счета за коммуналку, про то, кто заберет восьмилетнюю Соню из школы. Но те разговоры, от которых когда-то захватывало дух, те беседы до рассвета, когда слова лились рекой и, казалось, им не будет конца, исчезли. Испарились. Растворились в быту, как сахар в том самом кофе, который Анна дер-

жала в руках и который безнадежно потерял не только температуру, но и вкус. Она думала о том, что брак — это удивительное изобретение человечества. Два совершенно чужих человека, выросших в разных семьях, с разными привычками и травмами, решают, что будут идти по жизни вместе. Они дают клятвы, которые в момент произнесения кажутся такими простыми и очевидными. В болезни и в здравии, в богатстве и в бедности. Звучит красиво, почти как поэзия. Но кто в двадцать с небольшим лет, стоя перед алтарём и захлёбываясь от счастья, думает о том, что скрывается за этими словами? Никто. Потому что если бы люди знали, через какие оттенки серого им предстоит пройти, ЗАГСы, вероятно, опустели бы навсегда.

Андрей появился на кухне бесшумно, как привидение. В домашних трениках с вытянутыми коленями и старой футболке с логотипом какого-то забытого рок-фестиваля. Когда-то на этом фестивале они целовались под проливным дождём, и Анна считала это самым романтичным моментом в своей жизни. Теперь эта футболка вызывала у неё лишь глухое раздражение — она сто раз просила выбросить эту тряпку или хотя бы перевести её в разряд дачной одежды. Андрей молча налил себе воды из графина, сделал несколько жадных глотков и уставился в окно, туда же, куда минуту назад смотрела она. Их взгляды пересеклись на одной точке где-то за горизонтом, но не друг на друге. Это был странный, почти

сюрреалистический дуэт — мужчина и женщина, стоящие в метре друг от друга, смотрящие в одном направлении, но разделённые невидимой стеной из накопленных обид.

Где-то в недрах квартиры зазвонил будильник на планшете, оповещая о том, что пора будить ребёнка. Анна поставила кружку в раковину. Жидкость колыхнулась тёмной волной, и на белом фаянсе остался коричневый след. Она смотрела на этот след и думала о том, что их жизнь похожа на эту чашку — снаружи вроде бы всё чисто и прилично, а внутри остаётся осадок, который не смывается простой водой, для него нужны усилия, нужен ёршик, нужно желание оттирать. А желания у неё в последнее время не было. Была апатия, накрывающая с головой, как только она переступала порог спальни.

Андрей, в свою очередь, думал о работе. Вернее, пытался думать о работе, потому что работа была спасительным островком, где всё подчинялось логике и понятным алгоритмам. Там были чертежи, допуски, конкретные сроки и материальная ответственность. Там начальник отдела Палыч, конечно, тот ещё зануда, но с ним хотя бы понятны правила игры. В браке правила менялись ежедневно, иногда ежечасно. Ещё вчера хорошо было молчать в ответ на упрёк, а сегодня за это же молчание на него смотрели как на врага народа. Он перестал понимать, чего хочет его жена. Когда-то он

мог угадать её настроение по повороту головы, по тому, как она поправляет прядь волос. Теперь она была закрытой книгой, написанной на иностранном языке, который он учить откровенно устал. Он устал от вечных претензий, что он мало зарабатывает, мало участвует в жизни семьи, мало обращает на неё внимания. Ему казалось, что он разрывается на части. Он пахал как проклятый, брал подработки по выходным, чтобы оплатить ипотеку и новую шубу, которую Анна так хотела прошлой зимой, но которой так ни разу и не обрадовалась по-настоящему — надела пару раз и повесила в шкаф пылиться. И когда он, выжатый как лимон, приходил домой, его встречало не благодарное молчание, а новые требования. Требования поговорить, требования понять, требования почувствовать. Он не умел "чувствовать" по заказу. Он вообще мужчина, в конце концов, или кто?

Анна в это время заплетала Соне косички. Дочь ёрзала на стуле, болтала ногами и без умолку щебетала про новую подружку Катю, у которой есть ручной хомяк. Анна слушала этот щебет и ловила себя на мысли, что завидует восьмилетней девочке. Той не нужно думать об ипотеке, о просроченном техосмотре машины, о том, что свекровь опять пригласила их на воскресный обед и надо будет два часа натянуто улыбаться, делая вид, что семья — это тихая гавань, а не театр военных действий. Соня была счастлива просто потому, что хомяк Кати смешно набивает щёки. Где та точка

невозврата, думала Анна, перебирая мягкие волосы дочери, после которой жизнь из цветной становится вот такой, выцветшей, пастельной? Может быть, после рождения ребёнка? Но ведь Соня — лучшее, что с ней случилось. Может быть, когда они переехали в эту квартиру и повесили на себя кабалу кредита? Тогда каждый рубль стал на счету, и романтика умерла под гнётом финансовых таблиц. А может, это случилось гораздо раньше, просто она не заметила, как любовь, бурная и яркая, словно северное сияние, превратилась в тусклую лампочку Ильича под потолком, которая больше раздражает жужжанием, чем даёт свет.

Андрей ушёл на работу, хлопнув дверью чуть громче обычного. Анна вздрогнула от этого звука, и Соня, почувствовав настроение матери, затихла. В этом и была самая большая трагедия — дети чувствуют всё. Они как индикаторы семейного счастья. Анна могла сколько угодно играть роль беззаботной мамы, но ребёнок кожей ощущал холод, поселившийся в доме. Соня стала чаще болеть, стала капризной, могла расплакаться на ровном месте. Психолог в детском саду как-то осторожно поинтересовалась, всё ли в порядке дома. Анна тогда вспыхнула, соврала что-то про кризис трёх лет, который немного затянулся до восьми, но внутри всё оборвалось. Значит, это видно. Значит, их семейный морг, в котором они препарируют остатки чувств, виден невооружённым взглядом.

После того как за Соней закрылась дверь школьного автобуса, Анна вернулась в пустую квартиру. Тишина теперь была другой — давящей, всеобъемлющей. Она прошла в спальню и остановилась перед большим зеркалом. Оттуда на неё смотрела тридцатипятилетняя женщина с уставшими глазами, в которых потух тот самый блеск, сводивший с ума Андрея десять лет назад. На ней была бесформенная домашняя футболка и леггинсы. Волосы собраны в небрежный пучок. Она помнила себя студенткой филологического факультета, когда они только познакомились в душной аудитории на лекции по зарубежной литературе. Тогда она носила летящие платья, читала Бродского наизусть и спорила до хрипоты о смысле жизни. Андрей, инженер-строитель до мозга костей, прагматик и реалист, слушал её с открытым ртом. Она была для него музой, чем-то эфемерным и прекрасным. Он был для неё скалой, надёжностью. Они дополняли друг друга до идеальной формулы. Где теперь эта девушка? Зеркало молчало, но ответ был очевиден — она погребена под ворохом домашних обязанностей, нереализованных амбиций и хронической усталости. Она не помнила, когда в последний раз читала стихи. Только ценники в супермаркете. Она не помнила, когда они в последний раз целовались по-настоящему, а не чмокали друг друга в щёку на бегу. Секс превратился в рутину, в редкий и супружеский "долг", исполняемый по расписанию, как оплата коммуналки. У них было десять от-

тенков совместной жизни, но самым ярким из них сейчас был оттенок усталости.

Анна села на край незастеленной кровати. Андрей вечно забывал застелить её, оставляя одеяло скомканным. Раньше это было милой привычкой, над которой она посмеивалась. Теперь это был акт неуважения. Так меняется оптика восприятия. Те же самые действия, те же самые слова, та же самая футболка с рок-фестивалем — и всё это из символа любви превращается в символ безразличия. Анна вдруг вспомнила одну ссору, случившуюся пару месяцев назад. Они ругались из-за какой-то ерунды, из-за незакрытого тюбика зубной пасты. Кричали так, что звенели стекла. И в пылу ссоры Андрей бросил фразу, которая врезалась в неё, как осколок. "Ты стала скучной, Аня. Ты перестала мечтать". Тогда она просто разрыдалась, а он, испугавшись её слёз, пошёл на попятную и извинялся до утра. Но осадок остался. Он осмелился произнести вслух то, о чём она сама боялась думать. Она действительно перестала мечтать. Потому что мечты разбились о суровую реальность их семейного быта. Она мечтала о путешествии в Италию — но они купили машину попросторнее. Она хотела пойти на курсы фотографии — но это требовало времени, которого с маленьким ребёнком не было. А теперь, когда Соня подросла, не было денег или просто желания. Удобнее лежать на диване, уткнувшись в сериал, чем напрягать мозг и творить. Так рождается лень, которая

маскируется под усталость.

В полдень она открыла ноутбук с твёрдым намерением найти хоть какую-то подработку. Денег катастрофически не хватало. Нет, они не голодали, но балансировали от зарплаты до зарплаты, и любая непредвиденная трата, вроде сломавшегося смесителя или новых сапог для Сони, выбивала из колеи. Анна пробежалась по сайтам вакансий. Требовались менеджеры по продажам, операторы колл-центров, секретари. Её диплом филолога никому не был нужен. Можно было пойти в школу, но от одной мысли о тридцати орущих детях ей становилось дурно. Она закрыла вкладку и машинально открыла социальные сети. Лента зарябила чужим счастьем. Вот Маринка из универа выложила фото с пляжа — она с мужем и двумя детьми улетела в Таиланд. Идеальные завтраки, идеальные фигуры, белоснежные улыбки. Вот коллега Андрея хвастается новым повышением. Вот какая-то блогерша вещает об осознанном материнстве и о том, как важно не терять себя в браке. Анна скривилась. Всё это было фасадом, за которым, она знала это точно, скрывались те же проблемы. У Маринки муж гуляет, но она терпит ради денег. Коллегу Андрея повысили, потому что он стучит начальству. А блогерша, проповедующая осознанность, срывается на своих детях ором, как только выключается камера. Анна это понимала, но легче от этого не становилось. Скорее, наоборот. Мир состоял из лицемерия, и её брак был частью этого ли-

цемерия. Они тоже играли роль счастливой семьи перед родственниками. Делали вид, что всё в порядке. Но оттенки лжи невозможно скрыть под слоем тонального крема.

Её взгляд упал на полку с книгами. Там, среди классики, стоял старый, потрёпанный томик Бродского. Она встала, подошла и вытащила его. Книга открылась на закладке, которую она положила, наверное, ещё до беременности. Стихотворение было про осень, про пустоту, про невозможность возврата. Анна попыталась вчитаться, но буквы расплывались. Мозг отвык от сложных метафор, ему хотелось простых смыслов и чётких инструкций. Она захлопнула книгу, и из неё выпала фотография. Старая, немного выцветшая, с зубчатым краем. На ней они с Андреем стояли на набережной Невы, обдуваемые ветром. Он держал её за плечи, она смеялась, уткнувшись носом в его свитер. Они были такими юными. Такими голодными до жизни. Такими влюблёнными. Анна смотрела на этот снимок и не могла сдержать слёз. Куда делись эти люди? Кто эти уставшие взрослые, которые спят в их постели? Она плакала тихо, почти беззвучно, чтобы не вспугнуть тишину пустой квартиры. Слёзы катились по щекам, оставляя солёные дорожки на коже. Она оплакивала себя прежнюю. Она оплакивала тот образ будущего, который они рисовали в мечтах. Ведь всё должно было быть иначе. В их семейной жизни должно было быть десять оттенков счастья: оттенок утреннего кофе в постель, оттенок сов-

местных путешествий, оттенок гордости за успехи друг друга, оттенок ночных откровений, оттенок страсти, которая не гаснет с годами, оттенок уважения, оттенок доверия, оттенок поддержки, оттенок уюта и оттенок того самого, настоящего, вечного "мы". А вместо этого палитра залита мутно-серым, как небо за окном.

Где-то глубоко в груди, под толщей этого серого пепла, вдруг шевельнулся уголёк. Не пожар, не пламя, а так, слабое мерцание. Оно заставило её подойти к телефону. Анна открыла диалог с Андреем. Сообщения были сухими, по делу: "Купи хлеб", "Не забудь забрать Соню", "Оплати квитанцию". Она долго смотрела на клавиатуру, не зная, что написать. Слова, которые когда-то лились сами, застревали где-то на подступах к сердцу. Ей хотелось написать: "Нам нужно поговорить". Но эта фраза звучала как приговор. Хотела написать: "Я скучаю по нам", но это было слишком откровенно и уязвимо. Вдруг он ответит холодностью? Вдруг он не поймёт? Вдруг поезд уже ушёл безвозвратно? Страх быть непонятой приковал пальцы к экрану.

В этот момент экран засветился сам. Это был он. Андрей. Анна вздрогнула, как будто её застали за чем-то постыдным. Она нажала "принять", поднесла трубку к уху и услышала его голос. Он звучал как-то иначе — не сухо и отстранённо, а скорее устало и надломленно.

«Ань, привет», — сказал он, и в трубке повисла пауза, во время которой Анна услышала стук собственного сердца. — «Я стою на остановке, смотрю на дождь... и понял, что не хочу домой. Не хочу идти в эту тишину. Это неправильно, Ань. Я помню, какими мы были. Я нашёл в бардачке ту фотку с Невы. Помнишь?»

Она молчала, боясь спугнуть этот призрак былого откровения, эту интонацию, которой не слышала уже несколько лет. По её щеке снова побежала слеза, но на этот раз в ней было что-то обжигающее, похожее на надежду.

«Я не хочу так жить», — продолжил он глухо. — «Эти десять оттенков дерьма, в которых мы увязли, меня убивают. Я люблю тебя. Я всегда тебя любил. Просто я разучился об этом говорить. Давай что-то делать. Давай попробуем начать сначала. Может быть, нам нужна эта, как её... психологическая помощь? Или просто уехать вдвоём на выходные? Я готов на всё, лишь бы ты снова смеялась».

Анна закрыла глаза. За окном забарабанил дождь, размывая серость дня. На столе лежала недопитая кружка кофе с коричневым осадком, но сейчас Анна подумала, что даже этот осадок можно отмыть, если взять в руки щётку. Если приложить усилия. Тишина в квартире перестала быть гро-

бовой, она стала залом ожидания. Андрей молчал на том конце провода, ожидая её вердикта. И в этом молчании, в этом стуке капель по жестяному отливу, в биении её сердца, полного страха и робкой надежды, заканчивалась первая глава их новой попытки. Попытки отделить зёрна от плевел, найти в палитре серых будней хоть один цветной мазок и переписать сценарий собственной жизни заново, набело. Потому что семья — это не статичная картина, это процесс, и краски для него в конечном счёте выбираем мы сами, даже когда кажется, что холст безнадёжно испорчен.

Глава вторая

Психолог записала их на ближайший четверг. Анна положила трубку и еще долго смотрела на телефон, словно ожидая, что он заговорит с ней голосом той самой блогерши об осознанном материнстве и скажет, что она все делает неправильно. Кабинет семейного терапевта находился в старом центре, в доме с лепниной и скрипучим лифтом, который ехал так медленно, что, казалось, за время подъема можно успеть развестись, снова пожениться и опять развестись. Андрей сидел на банкетке в коридоре, листал ленту новостей и делал вид, что совершенно спокоен. Но Анна слишком хорошо его знала, чтобы купиться на это представление. Он нервничал, потому что одно колено у него мелко подрагивало — привычка, оставшаяся еще со студенческих времен,

когда он сдавал сопромат и боялся вылететь из университета. Она села рядом, и между ними осталось расстояние в полторы ладони — ровно такое же, как на их кровати последние несколько месяцев.

Семейный терапевт, сухонькая женщина с седым каре и глазами, которые, казалось, видели столько чужих трагедий, что собственные уже не помещались, попросила их рассказать, с чего все началось. Анна открыла рот, но Андрей ее опередил. Он говорил долго, сбивчиво, перескакивая с одного на другое: про кредиты, про отсутствие секса, про то, что он устает на работе, но это не ценится. Анна слушала и чувствовала, как в груди закипает знакомая смесь из обиды и гнева. Он говорил так, будто она — главный источник всех его бед. Будто бы она сидит дома, пишет стихи, пьет вино и хохочет над его страданиями. Когда он наконец замолчал, ожидая, видимо, аплодисментов или хотя бы сочувственного кивка терапевта, Анна вставила всего одно слово. Нет, даже не слово, а звук. Она сказала: «Посуда».

Андрей моргнул. Терапевт чуть наклонила голову, и в ее глазах мелькнул тот самый профессиональный интерес, с которым археолог смотрит на внезапно обнаруженный черепок древней цивилизации. «Посуда?» — переспросила она, и это слово повисло в воздухе, как неприличный анекдот на поминках. Анна кивнула. Не посуда, конечно, была причиной

краха их брака, но она была его самым точным символом. Она была той самой последней каплей, которая падала в раковину каждое утро, каждый день, каждый год. Посуда была тем полем боя, на котором они, сами того не осознавая, сражались за справедливость, уважение и право называться уставшим.

Анна заговорила. Сначала тихо, потом все громче. Она рассказала, как каждое утро приходит на кухню и видит раковину, полную грязных тарелок. Андрей имел привычку ужинать поздно, когда она уже ложилась спать, потому что у него «особый режим» и «творческий голод». Он жарил яичницу, делал бутерброды с колбасой, крошки от которой потом застревали в сливном отверстии мокрыми комками, и оставлял все это на столешнице. Сковородка с присохшим жиром, кружка с остатками чая, в котором плавала одинокая чайинка, тарелка, перемазанная кетчупом. И все это великолепие ждало ее, как верный пёс, каждое утро. Она мыла, скребла, терла губкой, а он в это время спал или уже убежал на работу, бросив на ходу: «Я опаздываю, милая, убери, пожалуйста». И она убирала. И это «пожалуйста» звучало не как просьба, а как королевский указ.

Андрей слушал с выражением лица человека, которому только что сообщили, что земля на самом деле плоская, а он, будучи инженером-строителем, этого почему-то не заметил.

«Ты серьезно? — спросил он, и в его голосе звучало искреннее, почти детское изумление. — Мы из-за посуды к психологу пошли?» Он повернулся к терапевту в поисках поддержки, словно призывая ее в свидетели этого абсурда. Но терапевт молчала, и ее молчание было красноречивее любого вердикта.

«Дело не в посуде», — сказала Анна устало, и это была правда. Дело было в том, что посуда, разбросанные носки, незакрытый тюбик пасты, забытый в коридоре велосипед Со-ни, о который она спотыкалась в темноте, — все это складывалось в огромную, чудовищную картину ее невидимости. Ее вклада не существовало, потому что он был растворён в быте, как стиральный порошок в воде. Никто не замечает чистую воду, но все заметят, если вода будет грязной. Она была обслуживающим персоналом в собственном доме, и это убивало в ней женщину, личность, музу. Это превращало ее в функцию, а функция не может быть любимой, с функцией удобно живут.

Андрей попытался возразить. Он сказал, что устает физически. Он таскает мешки с цементом на объектах, он решает вопросы с прорабами, он несет ответственность за безопасность конструкций. Что по сравнению с этим какая-то тарелка? Он, видите ли, вносит основной финансовый вклад в бюджет семьи. Анна вспыхнула. Она напомнила ему, что

сидеть с ребёнком в декрете, а потом метаться между школой, секциями и больницами — это тоже работа. Работа без выходных, без больничных, без пенсионных отчислений и без уважения. Она сказала, что если монетизировать всё, что она делает: уборку, готовку, логистику, психологическую поддержку, — то его зарплаты не хватило бы, чтобы оплатить и половину. В кабинете повисла звенящая тишина, нарушаемая только тиканьем старых настенных часов, которые отсчитывали секунды их совместной жизни.

Терапевт наконец подала голос. Она сказала простую вещь, от которой у обоих что-то щёлкнуло в головах. Она сказала, что мытьё посуды — это не вопрос чистоты. Это вопрос сексуального желания в долгосрочных отношениях. Анна удивлённо вскинула брови. Андрей, который до этого сидел в позе оскорблённого достоинства, подался вперёд. Терапевт пояснила: женщина, которая чувствует себя горничной при собственном муже, перестаёт хотеть этого мужчину. Она не может спать с тем, кому она как мать, кто оставляет ей грязные носки, ожидая, что они волшебным образом станут чистыми. Влечение умирает не в постели, оно умирает на кухне, среди жирных тарелок и крошек на столе. Это убивает романтику быстрее, чем любые измены. Измена — это взрыв, катастрофа, событие. А бытовое рабство — это медленное гниение, которое пожирает любовь по кусочку, незаметно, день за днём. Ты смотришь на мужчину, за ко-

торым только что собрала грязную чашку, и вместо страсти чувствуешь только усталость. Ты смотришь на женщину, которая пилит тебя из-за невытой сковородки, и вместо нежности чувствуешь только раздражение. Круг замыкается.

Андрей сидел молча, переваривая услышанное. Перед его внутренним взором проносились картины прошлого: вот Анна в старой футболке трёт губкой пригоревшее масло, и он, проходя мимо, шлёпает её пониже спины, ожидая ответной улыбки, а она дёргается как от удара. Он тогда обиделся. Он думал, что она просто фригидная и перестала его любить. А ей, оказывается, просто было не до флирта, потому что у неё руки были по локоть в жире, и в голове она в сотый раз прокручивала мысль о том, как ей надоело быть посудомоечной машиной. Он вдруг вспомнил, как его отец никогда в жизни не вымыл за собой чашку, и как мать, поджав губы, молча убирала со стола, а потом жаловалась подругам по телефону, что совсем не хочет близости с отцом. Он думал, что это возрастное, а это, оказывается, было посудное.

Анна в этот момент смотрела на свои руки. Руки, которые когда-то перебирали струны гитары и листали томики Мандельштама, теперь были покрыты микротрещинами от бытовой химии. Она вдруг осознала, что Андрей действительно не понимал. Он не был врагом, он не был тираном, он был просто мужчиной, воспитанным в парадигме, где жен-

ская работа по дому — это как воздух, она просто есть, её не замечают. Его не научили, что забота о быте — это не услуга, которую женщина оказывает мужчине, а общий вклад в совместное жизненное пространство. Но от этого осознания ей не становилось легче, потому что она устала быть учителем. Она устала объяснять взрослому человеку элементарные вещи. Она хотела партнёра, а не ученика, которому нужно ставить оценки звёздочками и вешать на холодильник график дежурств.

Они вышли из кабинета психолога молча, но это было уже другое молчание. Не то угрюмое, наполненное взаимными обвинениями, а задумчивое, переваривающее. На улице всё ещё моросил дождь, превращая город в размытую акварель. Андрей предложил зайти в кофейню, и Анна согласилась. Они сели у окна, и он заказал два капучино. Когда официантка принесла напитки и поставила перед ними белые чашки с высокой пенкой, Андрей долго смотрел на свою чашку, а потом сказал то, от чего у Анны перехватило дыхание. Он сказал: «Если я сейчас выпью кофе и оставлю эту чашку на столе, её уберёт официантка. И я этого даже не замечу. Я двадцать лет не замечал, кто за мной убирает. Дома это была мама, потом ты. Я никогда не мыл за собой. Я даже не знаю, где у нас лежит средство для мытья посуды». Анна усмехнулась и ответила, что средство стоит прямо на столешнице, на видном месте, и он проходил мимо него тысячу раз. Андрей

покачал головой. Он не видел его, потому что не искал. Его мозг не регистрировал предметы, относящиеся к категории «не моя забота».

Он взял её руку в свою, и это было первое искреннее прикосновение за последние несколько месяцев. Никакой фальши, никакой попытки перевести это в постель. Просто жест признания. Он сказал, что хочет попробовать измениться. Не обещает, что станет идеальным с утра, но он готов мыть эту чёртову посуду, если это вернёт ему жену. Если это уберёт из её глаз ту смертельную усталость, которая превратила их брак в коммунальную склоку. Анна слушала и боялась поверить. Она тысячу раз слышала обещания. Она помнила, как он обещал починить кран в ванной и полгода она слушала звук падающей воды. Она помнила, как он обещал проводить больше времени с Соней, но каждый раз находились срочные дела на работе. Но сейчас, глядя в его растерянные глаза инженера, который впервые столкнулся с системой, не поддающейся расчётам по формулам, она увидела что-то новое. Она увидела испуг. Испуг потерять её не из-за какого-то красавца на белом коне, а из-за горы невымытых тарелок. И это было так нелепо и так жизненно, что она вдруг рассмеялась. Смех был нервным, немного истеричным, но настоящим. Андрей сначала удивился, а потом тоже заулыбался. И они сидели в этой дешёвой кофейне, держась за руки через стол, и смеялись над абсурдностью своей жизни. Над тем,

как два взрослых образованных человека, обсуждающих на кухне политику и высокие материи, чуть не развелись из-за засохшего кетчупа.

В тот вечер они вместе мыли посуду. Это было похоже на неуклюжий танец. Андрей путался в губках, перепутал средство для мытья посуды с жидкостью для стирки и чуть не устроил пенную вечеринку на кухне. Анна стояла рядом и вытирала тарелки полотенцем, посмеиваясь над его неловкостью. Она вдруг поймала себя на мысли, что смотрит на его руки, опущенные в мыльную воду, с какой-то новой, забытой нежностью. Это было странно, но именно в этот момент, а не в свечах и романтической музыке, она почувствовала слабый укол желания. Ей захотелось обнять его со спины, прижаться щекой к его лопаткам, вдохнуть запах его одежды, смешанный с ароматом лимонного моющего средства. Психолог оказалась чертовски права. Уважение мылось руками, и пена смывала обиды.

Конечно, одной вымытой раковиной нельзя было исцелить годы взаимных упрёков. Проблема была глубже, чем просто быт. За бытом скрывалось неуважение, обесценивание женского труда, патриархальный уклад, въевшийся в подкорку. Но эта первая, робкая попытка разделить самую ненавистную обязанность стала тем краеугольным камнем, с которого началась перестройка их семейного здания. Ан-

на поняла, что если Андрей готов спуститься с пьедестала добытчика на грешную кухонную землю, значит, ему не всё равно. Значит, он видит в ней не только мать его ребёнка, но и женщину, которую стоит завоёвывать, пусть даже с тряпкой в руках. А он понял, что быть мужчиной — это не только приносить зарплату, но и делать жизнь любимой женщины немного легче.

Ночью, лёжа в постели, они смотрели в потолок и разговаривали. Теперь уже не о политике и не о счетах. Анна рассказывала, как тяжело ей было одной, как она плакала в ванной, пока Соня смотрела мультики. Андрей рассказывал, как ему стыдно, что он не замечал, как его отпуск превращался для неё в каторгу, потому что он отдыхал, а она продолжала работать по дому. Они не занимались любовью в ту ночь. Они занимались чем-то гораздо более интимным — они говорили. Они впервые за долгое время легли спать не спиной друг к другу, а лицом, и засыпали, чувствуя тепло тел, разделённых лишь тонкой тканью одеяла. Где-то на кухне в сушилке стояли чистые тарелки, и Анна знала, что утром раковина будет пустой. Это было крошечное изменение, но оно сияло ярче всех звёзд, которых не было видно из-за туч. Это был новый оттенок в их семейной палитре — оттенок мыльной пены, пахнувший лимоном и надеждой. И хотя они понимали, что впереди ещё генеральная уборка их чувств, сегодня они сделали первый, самый важный шаг. Они просто помы-

ли посуду.

Глава третья

Всю следующую неделю раковина оставалась чистой. Это было похоже на чудо, в которое Анна боялась поверить до конца, ожидая подвоха. Она просыпалась утром, заходила на кухню с замиранием сердца и видела сверкающий металл, аккуратно составленные чашки и отсутствие вчерашних ужасов. Андрей действительно втянулся в этот процесс, и, что самое удивительное, делал он это без напоминаний и без выражения вселенской скорби на лице. Он даже купил новые губки разных цветов и как-то вечером с гордостью продемонстрировал Анне, что зелёная — для чашек, синяя — для тарелок, а жёлтая — для всего остального. Анна рассмеялась, потому что это было так по-инженерному: классифицировать и систематизировать даже кухонную утварь. Но она оценила. Она оценила это чёртово внимание к деталям, которое, оказывается, могло распространяться не только на строительные чертежи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.